

Глава 134: Одурманенные наркотиками

Ну что , мы дожили до первой НЦы... поздравляю. Пока прелюдия.

Нефритовая чаша, поданная Жене, была искусно выделана. На ее круглом боку оказался вырезан небесный журавль с клювом, окантовывающим обод.

Жидкость внутри имела очень красивый изумрудный цвет.

Чэнь Жун никогда не видел столь необычного и драгоценного предмета. Он принял ее, легонько встряхнул и с улыбкой сказал:

— Меня так и подмывает попробовать.

Он поднес напиток к губам и сделал глоток.

Сначала вкус напитка был горький, но затем рот охватило ощущение прохлады. Явно напиток был насыщен магией и весьма изыскан.

— Очень вкусно, — улыбнулся он и сделал еще глоток.

Увидев, что напиток ему понравился, служанка сделала поклон и медленно вышла из комнаты.

Она спустилась вниз к А Чжи и, прикрыв самодовольную улыбку, сказала:

— Он выпил.

А Чжи кивнула.

— Он следовал за Ши Минем без всякой предварительной помолвки, словно дешевый катамит. Кто знает, передавали ли его как наложника другим мужчинам или нет. То, что я действительно думаю об этом, наш Цилан обманывается в этом ничтожестве. — При этом слова "Ши Минь" были произнесены служанкой небрежно и с глубоким презрением, как в фамилии, которую она назвала, так и в тоне, которым она это произнесла. — Мы все видели, как генерал обращался с этим мальчишкой и отшвырнул его, едва были заключены договоренности о браке с благородной девицей Дома Чэнь.

Младшая горничная тут же кивнула в знак согласия. Момент, когда она принесла Чэнь Жуну наркотический напиток с афродизиаком, который использовался обычно в борделе, и она, и А Чжи рассматривали неодобрительно. Для них использование человека Жань Миня без его согласия являлось несущественным делом... Факт в том, что такие действия не считались чем-то

серьезным в Цзянькане и Ло Яне. Литераторы всегда видели красоту в отказе. Если друг касался их наложниц и наложников, не сообщив их владельцам, они просто улыбались на такое. И, если являлись достаточно продвинуты в своих взглядах, могли даже устроить пирушку и распить вино по такому случаю. Куда более серьезным было одолжить коня... А столицы славились своими свободными нравами.

Эти служанки провели много лет с семьей Ван в Лан'я. В их глазах — подобное пользование чужой живой собственностью — это одолжение, которое их хозяин оказывал кому-то, если он касался их наложниц и наложников. Ведь он одаренный, Небожитель, наследник Дома и ... возможно...тсссс... будущий император!

С тех пор, как молодой господин сдал экзамен — в свои-то годы, и стал официально Гением и Одаренным, на его ложе побывало очень много красавиц и красавцев после его инициации. Большинство из них при этом были весьма благородных кровей.

Господин был красив, учтив, но главное - одарен, что официально было подтверждено храмом. Не секрет, многие надеялись, что сексуальный контакт с одаренным даст шанс на рождение одаренного потомка в будущем. Ходили постоянные слухи, что у тех, кто бывал в постели с одаренным, и особенно терял там девственность, в будущем куда больше шансов зачать одаренного потомка.

А потому Одаренным в кланах в обязательном порядке подкладывали служанок и младших родственниц и родственников. Именно с такой целью. Подобные члены особой ценности для клана не представляли, их удел был: для девушек стать служанками или при особой красоте - наложницами, а юношам пополнить службу многочисленных поместий. Но это дела внутри рода. Потому и были приставлены к Цилану специальные люди. Максимум пользы для рода и ни одного шанса для ухода крови на сторону.

Поскольку другие семьи и кланы тоже жаждали «приобщиться к силе», и первым, что предлагали такому дорогому гостю: красавицу или красавца, часто из личных гаремов, но и на «шалость» вторых и третьих дочерей, и тем более сыновей, старейшины смотрели благосклонно. Так что у такого как Цилан выбор был более чем огромный. Та же А Вэй почла бы за счастье, ее цена как наложницы повысилась бы в разы. Но скорее всего после такого ее оставили бы в роду, быстро выдав женой за кого-то из побочных ветвей. Поскольку на предложение стать наложницей рассчитывать было нечего. Недостойна. Так что такое предложение сделанное в свое время Чэнь Жуну было...просто огромной удачей с точки зрения многих. Им публично отвергнутой.

Служанки, приставленные к Цилану наставником, по сути, выполняли и роль сводни, императорских гаремных евнухов, (евнухи полагались только членам императорского рода, тут подаренные принцем Жене парни были беспрецедентным актом, его личным «извинением», но об этом никто не знал)фиксируя по приказу дяди и старейшин все сексуальные контакты подопечного. Они были весьма переборчивы, и уже насмотрелись на разных претендентов и претенденток, знали все возможные медовые ловушки, которые могли подстроить их господину. У Цилана было и несколько наложниц, причем весьма благородного происхождения, тех, от кого не удалось откупиться или введенных в семью по политическим мотивам. Одна была подарена императором, после сдачи экзамена. Впрочем, они обитали где-

то в столице в доме клана и мало волновали юношу, поскольку он был омегой. Старейшины это знали и не давили и так уже хорошо, что юноша на них согласился и всегда был шанс, что кто-то из них понесет потомка.

Цилан никого не принуждал, в этом просто нужды не было, так что все случаи «разовых интрижек» были исключительно по инициативе другой стороны. И партнеры были более чем достойны.

А этот... дворняжка какая-то.

Собственно связи между юношами после первого совершеннолетия в расчет обществом даже не принимались, поскольку им беременность не грозила, а вот шанс завести одаренных потомков в будущем приветствовалась. Первый раз был важен, его считали мужской инициацией, поскольку именно после него часто пробуждалась сила, а потому партнера выбирали придирчиво, зачастую подкладывая юношу под представителя выгодного союзника или одаренного, если был шанс. Но все же того значения, что у девушек, он не имел. Однако к несовершеннолетним и особенно будущим младшим это не относилось. Они должны были блюсти чистоту имени и тела как девицы, до своего первого совершеннолетия(16) – а там либо замуж, либо во все тяжкие в поисках покровителя.

Конечно, были и те, кто не имел представления о ситуации с нравами в столичных кругах аристократии. Воспетый в опере Ши Чон, любивший Лу Чжу, не уступал просьбам других мужчин «поделиться» и «уважить». Вместо этого он сурово отказал им. Его отказ, без сомнения, стал пощечиной этим людям. По этой причине, в конце концов, самый богатый человек двора Цзинь был ограблен и убит. Его любимая наложница Лу Чжу в итоге сама бросилась навстречу смерти – покончив с собой. Это воспели, но сочувствия в душе не проявили. Красиво, но глупо. В благородных кругах процветала двойная мораль. На людях они возводили глаза в небо и утирали слезу, а в семейном кругу поучали наследников: не будь как Ши Чон.

Так что в глазах служанок первого ранга (особо доверенных) Чэн Жун был мусором, осчастливленным вниманием их господина.

Поболтав немного, младшая служанка удалилась и направилась к мансарде Чэнь Жуна. Та, что постарше, по имени А Чжи, понесла поднос во двор Ван Хуна.

Вскоре она прибыла туда. Прислушиваясь к неторопливой музыке, доносившейся изнутри, она спросила охранника:

— Его светлость в порядке?

— Он с Хуан Цзюланем.

Хуан Цзюлань был признанным храмом одаренным и прямым потомком княжеского рода. А

значит, человеком круга Цилана.

А Чжи шагнула вперед, поклонилась с высоко поднятым деревянным подносом и почтительно объявила:

— Это Порошок Пяти Камней, привезенных из Цзянькана, не хочет ли наш гость попробовать их?

Охранник кивнул, отступил и махнул рукой.

— Входи.

В бамбуковом домике, одетый в белое Ван Хун играл на цитре. Рядом, Хуан Цзюлан лежал на диване, в трансе уставившись перед собой.

А Чжи приблизилась к ним. С поклоном поставила поднос, а затем сделала шаг назад и тихо сказала:

— Господин, Цзюлан, перед лицом врага, и когда жизнь и смерть переплетаются, почему бы не попробовать блаженную пустоту богов?

Хуан Цзюлан обернулся.

Он взглянул на нее, потом на Порошок Пяти Камней на столе и сказал:

— Ты права, — затем он сам себе налил и отсыпал.

Ван Хун продолжал играть на цитре, кивнув служанке, та тут же пустила в помещение двух юных мальчиков и нежную девушку - прислуживать... Цзюлан был одаренным, шанс не должен пропасть даром.

А Чжи медленно отступила во двор, время от времени заглядывая внутрь комнаты.

Через некоторое время музыка прекратилась.

— Его Светлость взял порошок, — прошептала А Чжи. — Подайте ему вина.

— Да.

Туда вошли две служанки с бутылкой вина. Вскоре после этого слышались шорохи и поцелуи. Медовая ловушка на Цзюлана сработала.

Среди этих звуков слышались шаги, приближающиеся к двери.

Выходившим был Ван Хун, повернувшийся, чтобы закрыть дверь, как только он оказался снаружи. Его лицо пылало. А Чжи поспешила к нему, чтобы помочь расстегнуть ремень.

В своем растрепанном состоянии Ван Хун шагал впереди.

— Мастер, может быть, Вам принять ванну? — спросила за его спиной А Чжи.

Температура его тела повысилась после приема Порошка Пяти Камней. Холодная ванна будет приятной.

— Неплохая идея, — кивнул Ван Хун. Его голос был хриплым, глаза блестели ярче, чем обычно.

С помощью А Чжи он принял холодную ванну и переоделся в свободную домашнюю одежду. Потом он медленно подошел к лестнице и облокотился на бамбуковые перила, чтобы в трансе наблюдать за небом.

Небо было темным, и на нем видно лишь несколько звезд и луну.

— Милорд, не хотите ли прогуляться?

Ван Хун кивнул и медленно спустился вниз.

На этот раз впереди двигалась А Чжи.

Сделав круг, она привела Ван Хуна к бамбуковому флигелю с мансардой, где поклонилась и с улыбкой сказала:

— Молодой господин, луна лучше всего видна сверху.

Порошок Пяти Камней сделали Ван Хуна слегка вялым. Предложение А Чжи было разумным. Со второго уровня был виден весь двор. В такую лунную ночь пейзаж становился просто очарователен. А Чжи являлась его служанкой уже давно; она лучше всех знала его предпочтения, и ее слова и поступки всегда его устраивали. Конечно, она служила его дяде, но тот был наставником и заботился о нем даже больше, чем отец.

Ван Хун кивнул и начал подниматься на мансарду.

Он со скрипом толкнул дверь.

Когда бамбуковая дверь открылась, впус­тив ночной ветер, Ван Хун практически сразу остолбенел.

За развевающимися от появившегося сквозняка занавесками у ванны стоял босой, только что искупавшийся юноша. Капли воды скатывались с его висков на шею.

Услышав, как открылась дверь, он поднял голову и в удивлении уставился на Ван Хуна. На нем имелся лишь тонкий и свободный домашний желтый ханьфу. Ослабленный пояс оставлял ворот полуоткрытым. Его изящное личико покраснело до красного оттенка, а розовые губы припухли.

Взгляд Ван Хуна блуждал по его фарфоровой коже, где струйка хрустальных капель медленно скользила вниз по шее, по ключице, нежной коже груди... в ямку пупка. Мальчик не был худым, под кожей читался приятный глазу рельеф мышц. Омеги вообще миновали стадию голенастой угловатости, типичной для остальных юношей.

Он растерянно уставился на него и сглотнул.

Юношу звали Чэнь Жун.

И он не ожидал сейчас увидеть Ван Хуна. Мысли его спутались, и он не замечал, что находится в полуодетом...скорее раздетом, состоянии.

Молодая служанка стояла в углу и улыбалась, глядя на эту сцену. Она тихо зашла за угол, чтобы уйти. Но даже если бы она демонстративно ушла, эти двое не заметили бы ее присутствия.

Девушка прошла мимо Ван Хуна и беззвучно покинула чердак.

Она оглянулась с лестницы на ошеломленного Ван Хуна, не в силах удержаться от улыбки при мысли: «...я не замечала этого раньше, но этот мальчишка, похоже, действительно потрясающее создание. Потребовалась всего одна ванна и смена одежды, которая соответствовала цвету его кожи, чтобы весь его внешний вид преобразился. Именно, он превратился в хитрого соблаз­нителя, настоящего демонического лиса. Его внешность просто нечто. Даже знаменитый Фузцюнь Жун в Цзянькане будет вторым после него. Пожалуй, его красота может соперничать с самим Циланом...» - она хлопнула себя по губам при такой мысли. - «Неудивительно, что мужчинам нравится этот мальчишка».

В это время Ван Хун сделал шаг внутрь.

Когда служанка увидела, что он вошел, то она шагнула вперед и плотно закрыла дверь.

Увидев вошедшего Ван Хуна, Чэнь Жун смутился от его взгляда и отступил назад.

— Как ты сюда попал, Цилан? — тихо запротестовал он.

Это был явный протест, но он звучал как кокетство. Он что-то бормотал, но голос его стал податливым и хриплым, словно он бормотал какие-то сладкие пустяки.

Чэнь Жуна шокировал его собственный голос. Где-то глубоко он наблюдал сам за собой, не в силах противостоять своим реакциям.

Тем не менее, его затуманенный разум мог только немного испугаться; он просто не мог думать в нынешний момент. Маниакальный жар внутри также заставлял его предвкушать появление Ван Хуна, лучом радости и неназванного желания.

От услышанного голоса, глаза Ван Хуна мгновенно потемнели. Бессознательно, его лицо покраснело, а дыхание участилось.

В трансе он продолжал поедать его взглядом с каждым шагом, который делал.

Чэнь Жун сделал еще один шаг назад, отклоняясь, когда его ноги потеряли опору. Он бросил на него скорбный взгляд и приказал:

— Не приближайся.

Он заговорил мягким голосом, похожим на мягкий хлопок. Его губы слегка пересохли, и он их облизал.

Когда его язык скользнул по пухлым губам, Ван Хун бессознательно сглотнул.

— А Жун, — мягко окликнул его он, смотря на него. — Его голос был немного заторможенным, немного хриплым, а не ясным и холодным, как обычно.

Слегка прищурившись, он наклонил голову, и поджал красные губы, чтобы ответить:

— Кхмм.

Его “Кхмм” прозвучало скорее полуночным стоном, чем речью – гортанным желанием глубоко внутри.

Горло Ван Хуна дрогнуло. Он изобразил горькую улыбку.

— Почему ты здесь? — тихо спросил он.

Чэнь Жун все еще склонял голову набок. С ошеломленными глазами и покрасневшимся лицом он ответил:

— Разве ты не хотел, чтобы я вернулся?

Его чарующий голос был волшебной песней, которая могла завлечь души. Флер не просто кружил, он яростно атаковал, скручивал и подчинял.

Руки Ван Хуна бессознательно вцепились в стол. Он опустил глаза.

Голова его была опущена, прядь полувисоких волос свисала и скрывала левый глаз.

В этот момент Чэнь Жун внезапно окликнул, "Цилан". Он обратился резко, но в его голосе звучала безграничная привязанность.

Ван Хун все еще смотрел вниз. Он только успел спросить:

— Что такое?

У Чэнь Жун перехватило дыхание, когда он пробормотал:

— Не подходи, ты ведь не можешь подойти...

<http://erolate.com/book/1285/36184>